

О. В. ЛЕЙБОВИЧ,

заведующий кафедрой культурологии Пермского государственного
технического университета, доктор исторических наук, профессор

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КУЛЬТУРОЛОГА

Для начала определимся с терминами. Под коррупционными практиками в высшем образовании в настоящем тексте понимается

множество частных актов обмена между участниками образовательной деятельности, совершаемых нелегально в целях получения

выгоды. Предметом купли-продажи являются как доступ к образовательным услугам, так и свидетельства об их получении, обладающие символическим капиталом в современной экономической системе, в том числе на рынке труда. По простейшим технологиям, отработанным механизмам исполнения и распространенности коррупционные практики принадлежат к низовой экономической культуре. В этом качестве они доступны самому широкому кругу людей, так или иначе вовлеченных в образовательный процесс вне зависимости от той роли, которую они в нем исполняют.

Можно предположить, что распространение образовательных коррупционных практик есть продукт интерференции двух доминирующих и взаимосвязанных в российском обществе культурных трендов: экономизма и индивидуализма. В первом случае имеется в виду тенденция к установлению экономически эквивалентных отношений во всех сферах публичной и частной жизни, то, что можно назвать коммерциализацией культуры. Речь идет о выстраивании социальных стратегий отдельных лиц и общественных групп вдоль коммерческой оси, признание правильными лишь экономически обоснованных поступков, то есть поступков, приносящих немедленную прибыль. В обществе утверждается новая норма взаимоотношений, в соответствии с которой вся социальная активность (как минимум в публичной сфере) должна производить экономический эффект. Субъектами этих экономических отношений выступают отдельные, обособленные индивиды, конкурирующие друг с другом всеми доступными им средствами. Причем личные (семейные) достижения обладают неоспоримым приоритетом над достижениями корпоративными, социальными или государственными.

Коррупционные практики в образовании повторяют в несколько упрощенных формах методы приватизации иных некогда публичных институтов в промышленности, в финансах, в управлении и в сельском хозяйстве.

Здесь представляется уместным вопрос, почему не выдержали фильтры, содержащиеся в профессиональной традиционной преподавательской культуре. Сложившиеся в ней нормы отвергали частные сделки со студентами как постыдные, не приличные профессорскому (доцентскому) званию, наконец, как противозаконные. Для того чтобы понять капитуляцию преподавательского сообщества (или, скажем осторожнее, значительной его части) перед духом времени, необходимо прояснить несколько моментов, связанных с его прошлым и настоящим быто-

ванием в обществе. Дело в том, что прежняя советская общественная организация не предусматривала развития и укрепления корпоративных социальных институтов. Нормы преподавательской морали поддерживались, в первую очередь, внешними скрепами: партийной дисциплиной, государственным и идеологическим контролем. Внутренние механизмы саморегуляции имели второстепенное значение. Одновременно существовал явный диссонанс между требованиями со стороны директивных органов и обязательствами перед коллегами, руководителями и частными лицами, представляющими зачастую те же самые директивные органы. Преподаватель действовал в неопределенной ситуации, сложившейся в процессе переплетения, а затем и срачивания официальных публичных и неформальных частных связей. В таких условиях корпоративная преподавательская мораль подвергается постоянной коррозии, во много раз усиленной отмиранием идеологического контроля и постоянным снижением собственного социального статуса. Погружение в «новую бедность» переживается преподавательским сообществом крайне болезненно. Утрата престижа сопровождается вынужденным ограничением потребностей в питании, одежде, в профессиональной и досуговой коммуникации.

Более того, статусные потери влекут за собой трудности в исполнении профессиональной деятельности. Студенческое сообщество в массе своей не признает авторитета знаний, не подкрепленного экономическими достижениями. В университетские аудитории пришла уличная вольница со всеми присущими ей чертами: общесивной лексикой, плебейскими манерами, инфантильными ожиданиями, всем тем, что раньше называлось *грубым материализмом*. И преподаватель в кургузом пиджаке, стоптанных туфлях, в старомодных очках и с потертым портфелем из кожзаменителя в их глазах символизирует мир бедности, к которому эти молодые люди относятся с опаской и пренебрежением.

Потеря прежнего статуса влечет за собой в ряде случаев освоение преподавателями худших сторон *культуры бедности*, со свойственной ей неразборчивостью в средствах, снижением социальной и личностной самооценки, с далеко идущим упрощением социальных стратегий, наконец, с готовностью принять роль частного продавца экзаменационных оценок и зачетных свидетельств.

В коррупционных практиках можно обнаружить особый вид встречи культур. Новая агрессивная низовая экономическая культура

городской молодежи вступает во взаимодействие со старой высокопрофессиональной культурой преподавательского сообщества, диктуя последней и правила диалога, и язык, на котором происходит обмен статусных образовательных символов на их экономические эквиваленты.

Итогом этой встречи является равнение профессиональной культуры на образцы, созданные в городской рыночной среде для иных нужд. В перспективе можно ожидать утрату идентичности профессиональной образовательной культуры, ее растворение в низовых частных рыночных практиках.